

№ 6 (224)
ИЮНЬ

2015

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александро-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению
Высокопреосвященного Сергия, митрополита Барнаульского и Алтайского

Паломничество в Иоанно-Предтеченский скит

фото Е. Семаковой

ПРОПОВЕДЬ

МИТРОПОЛИТ
СУРОЖСКИЙ АНТОНИЙ (БЛУМ)

СВЯТЫЕ АПОСТОЛЫ ПЕТР И ПАВЕЛ

Ро имя Отца и Сына и Святого Духа.
Сегодня мы празднуем память святых апостолов Петра и Павла. Разница между ними колоссальная в том, что апостол Пётр был с самого начала верным учеником Христа, был свидетелем всего, что случалось вокруг Христа с первого момента Его выхода на проповедь.

Наоборот, апостол Павел был Христовым врагом, Его противником, он не верил в Него как в Мессию, он считал Его лжепророком; он вышел на проповедь не с тем, чтобы возвещать Евангелие, а с тем, чтобы быть гонителем христиан. Что же случилось в том и другом?

Апостолы, все 12, были люди, которые знали Христа с самого начала, и я бы сказал, вероятно, не только с самого начала Его проповеднической деятельности, Его служения миру, а ещё раньше. Мы знаем, например, что Нафанаил жил в Кане Галилейской, в нескольких километрах от того места, где родился Христос; и другие апостолы всё своё детство, всю молодость жили неподалёку. Апостол Пётр выделен тем, что он первый провозгласил Христа как Сына Божия, как Бога, пришедшего плотью на землю для того, чтобы быть воплощением Божественной любви и отдать Свою жизнь на спасение мира.

Апостол Павел был гонителем, но он тоже свидетель о Христе, и свидетель чего-то чрезвычайно важного: того, что человек, который раньше не верил во Христа, Его ненавидел, преследовал, вдруг оказался лицом к лицу с Христом воскресшим. Все апостолы были свидетелями жизни, распятия, смерти Христовых, но они встретили Христа сразу после воскресения. Апостол Павел Его встретил уже спустя, и стал совершенно иным человеком после этой встречи. Всю свою жизнь он отдал на то, чтобы провозглашать, как он говорил, Христа распятого и воскресшего. Воскресение Христово он воспринял событием не только своей жизни, но и всей жизни мира. Он говорил, что если не воскрес Христос, то наша вера тщетна, и мы самые несчастные из людей (1 Кор. 15:14). Понять это можно легко: ведь если бы Христос не воскрес, то вышло бы, что мы живем ложью, фантазией, мы в мире нереальности, в мире какого-то бреда.

Вот два апостола, которых мы вспоминаем. Апостол Пётр не был безукоризненным во всех отношениях так же, как и апостол Павел. Все апостолы были настоящими, подлинными людьми, и когда Христос был взят в саду Гефсиманском, когда Его судили, страх их объял, и они бежали. Пётр даже отказался от Него. Но потом они оказались бесстрашными проповедниками: ни муки, ни крест, ни распятие, ни тюрьма — ничто не могло их отлучить от любви Христовой, и они проповедовали, и эта проповедь действительно явилась тем, чем её называет апостол Павел: вера наша — победившая мир. Вот мы и празднуем их день, ликуя о том, что радикальный гонитель и верующий от начала встретились в одной, единой вере о победе Христовой — Крестом и Воскресением.

Святитель Николай (Велимирович) (1880-1956) — епископ, богослов и религиозный философ, почетный доктор нескольких мировых университетов

ЛЕСТВИЦА ДУХОВНАЯ

СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ СЕРБСКИЙ

О СУДЬБАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

Почему человеческие судьбы такие разные? По капризу богов — отвечал языческий мир. По случайности — отвечают некоторые наши, даже христиане, современники. Между этими двумя заблуждениями кроется истина. Между суевием и неверием прокладывает себе путь Божия вера, с многомиллионным воинством, многими племенами и народами, которые хранят веру в Бога живого как единственный светильник на перепутанных жизненных дорогах.

Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены (Мф. 10:29-30)

В мире нет ничего интереснее и поучительнее человеческих судеб. Всякая тварь над нашими головами и под нашими ногами приводит нас в восхищение. Думаю, что из всех слов, которые произносили человеческие уста со времен сотворения мира, три слова — что? как? и почему? — встречаются чаще других. Ни к одному другому предмету они не обращены так часто, как к самому человеку и его судьбе.

Поистине, неизвестно, что ничтожнее и темнее, вера в ложных богов или вера в случай. Там тени суевия, здесь грубое неверие. Там идолы, глухие к человеческой беде, здесь призрак матери, слепой к людскому горю. Человек не может без слез читать трагедии Софокла и Еврипида, в которых выражены все отчаяние и беспомощность живших тогда людей, которые не видели в своих судьбах ничего, кроме жестокой фатальности. На так называемых богов человеческое сердце не надеялось, ибо не было в них ни доброты, ни мило-

сердия, а этого не было потому, что не было самих богов.

О едином Боге, Который бы сошел к людям и явил безграничную доброту и милость к человеческому роду, даже не мечтали. А только такая вера могла отвалить надгробную плиту фатализма от человеческих душ и оживить их. От Пришествия Христа и до конца времен человечество не сможет верить в некоего бога, который не страдал с человеком и за человека.

А что сказать о вере в случай? Она, если не хуже, то равнозначна древнему языческому суевию. В наше время в особенности веру в случай можно называть совершенным безумием.

Великий английский ученый Томсон сказал: «Вы не можете тронуть ни одного цветка, не тронув при этом звезд». В свете изобретения радио и телевидения, мне кажется, многим будет легче понять слова Христа, что за каждое праздное слово человек ответит в День Суда.

Следовательно, слова, произносимые нами, переносятся в духовный мир и хранятся там до того дня, когда все выйдет на свет и предстанет на Суд по вечной правде. И не только слова, но и помыслы, и не только дела, но и на-

мерения, и чувства. Все находится под высшим и совершенным контролем: все куда-то переходит, все где-то хранится, за все когда-нибудь придется дать ответ.

Под этим высшим вечным контролем Творца находятся человеческие судьбы, полностью независимые от каких-то капризов призрачных богов и случая.

Священное Писание — самый верный источник света, как мощный прожектор, бросающий свет на разные судьбы разных людей, как в древние времена, так и сейчас. Согласно Священному Писанию, два фактора определяют судьбу всех и каждого: человеческое сердце и Промысл Божий.

Воздаст тебе Господь по сердцу твоему, говорится в этой Книге Судьбы. Завистливые братья продали Иосифа Египетским торговцам. Но за то, что сердце Иосифа было беззлобно и чисто, Промысл сделал Иосифа-раба Иосифом-правителем Египта, а затем попустил голод Иосифовым братьям и голодом вынудил их идти к своему брату в Египет, чтобы он дал им хлеба и вернул добром за зло, а их казнил угрызениями совести и стыдом, который жег их, как уголь.

Прочтите еще раз, и не раз, эту библейскую притчу, которая, действительно, словно прожектором, освещает судьбы всех двенадцати сыновей Иаковлевых, но не только их судьбы, а судьбы всех завистливых братьев на свете, которые не любят своего брата, который лучше их.

Вот и в наше время случилось так, что один себялюбивый брат лукавством лишил доли наследства своего лучшего брата и вынудил его покинуть родной очаг и бежать на чужбину. Он много работал и много страдал, но со временем разбогател, а его злобный брат настолько обнищал, что ему пришлось отдать своих детей на службу брату, чтобы прокормить их и себя. Так Го-

они хотели долить в нее еще. Возжелали они виноградника бедного Навофея и злодейски убили его и присоединили его виноградник к своему имению, прибавив еще одно вопиющее беззаконие к множеству своих беззаконий. Этим определили свою судьбу. Вскоре Агав принял постыдную смерть, а его скверная жена была сброшена с крыши дома на землю. И псы лизали кровь Агава и ели мясо Иезавели, ибо никто не пришел похоронить их.

Это древний библейский рассказ, но в его свете прочтите то, что случилось в наши дни.

В одном нашем городке умер человек и оставил несовершеннолетнюю дочь сироту. Перед смертью он назначил

как несправедливо, так и честно заработанное, отца они ненавидели и избивали.

Когда немцы оккупировали Сербию, они заявили на отца вражеской власти как на неблагонадежного человека, и он был уведен в плен, в Австрию, где умер от голода. А второго возненавидела жена и выгнала из дома, и он скитался по чужим хлевам и конюшням, а к дверям собственного дома приходил просить хлеба у слуг своей жены. Однажды зимним утром его нашли замерзшим насмерть на улице. Вот судьбы не по воле капризных божеств или слепого случая, а от злых человеческих сердец и правды Божией.

Мы знаем подобные случаи и в мусульманской истории.

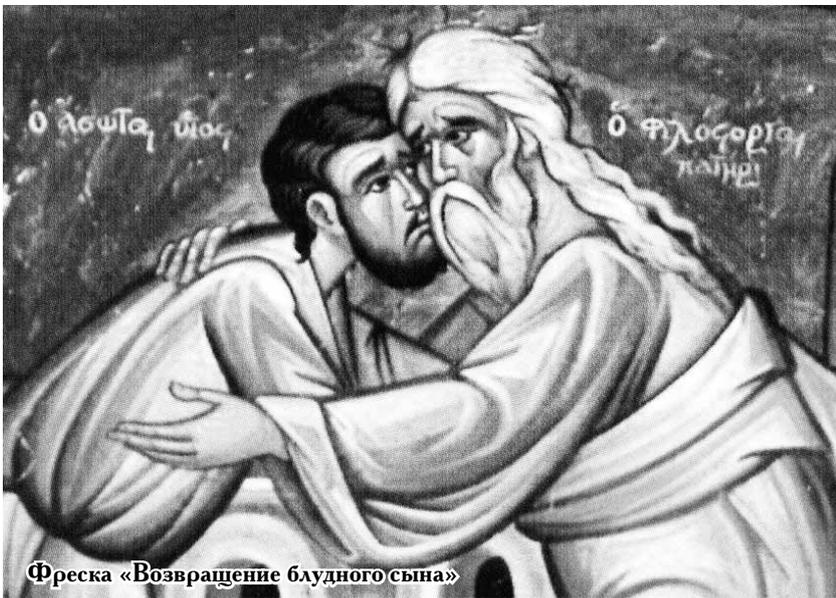
Хулага-хан, потомок грозного Чингисхана, напал на Багдад. В Багдаде тогда правил султан, известный своим сребролюбием и жестокими набегами на другие страны. Когда монгольский хан окружил Багдад, султан не смог дать ему должного отпора, потому что войско его было голодным и плохо вооруженным. Хулага захватил Багдад, ворвался во дворец султана и забрал его в плен.

Когда победитель открыл подвалы дворца и увидел, что они наполнены золотом, он очень удивился и спросил плененного султана, почему, имея такое богатство, он не подготовил войско и не защищался? Султан молчал. Хан разгневался на своего сребролюбивого пленника и, отведя его в подвал, сказал — если ты золото любишь больше, чем родину и честь, сиди на нем и наслаждайся! Запер подвал, а султана оставил умирать с голода среди золотых россыпей.

Подобная судьба постигает всех, кому несправедливо и чрезмерно богатство дороже всего на свете, на земле и на небесах. Если не найдется какой-нибудь Хулага-хан и не уморит их голодом, придет болезнь или другое страдание то же сотворит с ними, отдаст их сокровище в чужие руки, а их души, пустые и грешные, падут в бездну проклятия.

Вот как говорит Иоанн Златоуст: «Нередко имение сребролюбца делит между собой многие, а грехи его только он один с собой уносит». Мир страдает не столько от богатых, как от ослепленных богатством, которые думают о том, как еще обогатиться, а не о том, как употребить свое богатство на добро.

Спросите того, кто нечестно бо-

Фреска «Возвращение блудного сына»

сподь определил судьбы обоих братьев согласно их сердцам.

Двоих пастухов, Моисея и Давида, которые не помышляли ни о чем другом, кроме как до конца жизни пасти скот, Господь поставил вождями и правителями народа. Единственным их участием в такой своей судьбе было сердце, исполненное любовью к Богу и преданностью своему народу. Все остальное — Божие.

В этом свете вы можете читать судьбы многих ваших предков, крестьян из Устанка, которые хотя и были неграмотными, но Промысл Божий поставил их вождями и правителями народными. Какое у человека сердце, такая и судьба у него от Господа.

Вы слышали о царе Агаве (3 Цар. гл. 21), его сердце и сердце его жены Иезавели было нечистым и алчным, чаша их богатства была полна до краев, но

двух своих друзей ее опекунами. Вместе с другим именем оставил он и лотерейный билет, на который выпал главный выигрыш в сто тысяч динар. Было это до Первой Мировой войны, и эта сумма ценится намного больше, чем сейчас.

Опекуны польстились на деньги и договорились поделить деньги между собой, ничего не сказав законной наследнице. Несчастные думали, что если об этом никто не знает, их преступление останется нераскрытым! Но видел его Тот, Который сотворил глаза и дал им зрение, и по их беззаконию решил и судьбу их.

Сначала два беззаконника очень разбогатели, купили себе дома и лавки и стали «первыми» гражданами в городе. Но со временем они стали падать все ниже и ниже. Сыновья одного из них пропили и проиграли все имение отца,

гатеет, как он собирается использовать свое богатство, и вы смутите его. Он не много размышлял об этом. Но проследите его судьбу до конца и увидите, что богатство послужит ему не для спасения, а для гибели. Бог смотрит на сердце человека и от каждого ждет служения, и богатые не исключение. Кто не несет служения — пострадает, кто не страдает — несет служение. Богач, избегающий служения Богу и людям, неминуемо пострадает, или от болезни, или от грабителей, или от расточительных наследников, или от угрызений совести, или от всего одновременно.

Кроме мерзкой страсти к обогащению, есть и другие, которым люди обязаны своей злой судьбой. Борис Годунов преступно взошел на Московский престол. Вы знаете, как одно преступление неизбежно толкает властолюбцев в другое, и царь Борис взял за обычай приглашать своих противников на трапезу и травить их, но однажды, в тяжкую минуту, он сам испил из той же чаши, из которой поил своих недругов. Свято и вовеки истинно слово: «Кто поднимет меч, от меча погибнет».

Это общее правило, из которого мало исключений, когда речь идет о сокрушенных и кающихся. Одного английского разбойника трижды пытались повесить, но всякий раз веревка обрывалась, и его оставили в живых. Он увидел в этом необычайную милость Божию и глубоко покался.

Несколько лет, находясь в тюрьме, он постоянно читал Священное Писание и молился. Когда его освободили, он без остатка предался проповедованию веры Божией народу, рассказывая всем, что с ним случилось. И стал известным миссионером. Тысячи разных судеб определяет Господь людям, согласно тому, что находит в их сердцах.

Великий шведский писатель Стринберг, вedomый тщеславием и желанием литературной славы, долго был безразличен к вере и практически неверующим. Но, читая книги Достоевского, он обратился к Священному Писанию и так полюбил Христа, что завещал на своем могильном кресте выбить надпись: «О кресте, единственное упование мое!»

Посмотрите на судьбу святого Саввы!

Разве можно подумать, что монахи святогорцы случайно пришли на двор Немани? И что слепая случайность оставила их на несколько дней наеди-

не с князем Растко Неманичем в беседах о жизни подвижников и отшельников на Афоне? Нет, не случайность, а Промысл Божий, ибо по сердцу юного Растко Всевидящий определил его судьбу, предназначив его быть отцом целого народа на многие века и для многих поколений. Разные человеческие судьбы складываются в зависимости от качеств человеческого сердца и по непостижимому творчеству Создателя.

Вот два обстоятельства, которые определяют судьбу человека. Наш долг исправить сердце, а остальное устроит Всесильная власть Божия. Тот, кто по гордости все в своей судьбе приписывает только себе, отрицает власть Божию; а те, кто всю ответственность перекладывает на Бога, отрицают свою ответственность.

Стоит человеку изменить свое сердце, меняется и его судьба. Мы часто говорим о переменчивости судьбы, но редко исследуем причину этой переменчивости. Однако, причина — наше сердце.

Однажды пришел ко мне один молодой горожанин, он был очень подавлен. Была у него старшая сестра, единственный близкий ему человек на свете, она любила его так, как только может любить сестра своего единственного брата, но он был с ней дерзок и груб, обижая ее. Сестра скоростигно умерла, и когда брат собственными глазами увидел безжизненное тело единственного в мире существа, которое с такой заботой любило его, в нем что-то перевернулось. Он сильно страдал из-за потери сестры и оттого, что обижал ее. Он оставил все и пришел к нам, чтобы принять монашество.

Думаю, что представители власти, которые запрещают похоронные процессы в больших городах, как будто из-за транспорта, очень слабые психологи. Если движение транспорта немного замедлится, вред от этого будет меньше, чем от того, что многие празднующиеся не увидят проводы умершего и не вспомнят о своей смерти и не опомнятся.

Иболезнь может быть серьезным фактором перемены человеческой судьбы. Вопреки бытующему мнению, что болезнь чистое зло, Церковь опытно знает, что болезнь тела служит лекарством для души. Один известный в войну вор впал в безумие. Прежде он высмеивал своих благочестивых знакомых, которые говорили, что во-

йна — это страшное чистилище и что на войне солдат должен вести себя чисто и свято. Он называл таких «водяными мозгами», а сам тащил из неприятельских домов деньги, ковры, посуду, женские украшения. Вернувшись домой, он подал в отставку с государственной службы, говоря, что у него достаточно средств, чтобы мирно и счастливо жить и наслаждаться. И начал веселиться и упиваться легкой жизнью. Но спустя несколько месяцев его разбил паралич. Он лежал в постели полностью неподвижный. Прошло восемь лет, все награбленное имущество, предназначенное для пожизненной праздности и веселья, он издержал на пожизненную болезнь. Когда он все за лекарства отдал и продал, его бедные соседи, Христа ради, приходили и служили ему.

Его продолжительная физическая болезнь принесла плоды, она исцелила его бесстыдную душу. Два последних года он плакал и молился Богу. Исповедовал свои грехи каждому посетителю, говоря — эта болезнь к моему спасению, без нее я никогда бы не узнал о Боге и о душе. Он считал свою болезнь не наказанием, а божественным лекарством. Причастившись Святых Тайн, он тихо, с выражением светлого блаженства на лице, отошел ко Господу.

Когда говорится о судьбах, обычно имеется в виду видимое течение человеческой жизни. Но нельзя забывать о душевной драме, которая всегда важнее, насыщеннее и глубже внешней жизни человека. Святой Василий Великий дал человеку определение такими словами: «Человек — невидимое существо». Существует две невидимые силы, которые властно определяют наши души: одна — качество нашего сердца, другая — сила Господа Промыслителя.

Но я не могу удержаться от того, чтобы не сказать вам, как на изменение судьбы отдельных людей воздействуют сны. И здесь, как и всюду, истина лежит между двумя заблуждениями. Одно заблуждение — в суеверии по отношению к снам, а другое — полное отрицание значения снов. В Библии описано несколько чудесных сновидений, которые имели большое реальное значение. Вспомните сны фараона об откормленных и тощих коровах и о полных и пустых колосьях. Эти сны стали причиной введения особой государственной программы Египетского царства — аграрной программы. Вспомните сны, которые пророк

Даниил толковал Вавилонскому царю Навуходоносору. Один из этих снов касался многих царств и народов, другой — судьбы самого гордого царя Навуходоносора. И со временем сны исполнились так, как их толковал пророк.

На первых страницах Нового Завета упоминаются сны праведного Иосифа. Благодаря одному из них, Спаситель-младенец избежал меча Ирода. Придавать всем снам одинаковое значение неразумно, но так же неразумно и отрицать значение всех снов.

Нет числа средствам и способам, которые использует Господь в управлении судьбы человека к добру. Иногда растения, камни и животные служат орудиями Божьего Промысла.

«Ангел Господень противостоят Валааму и его ослице»

На духовную перемену пророка Ионы подействовало растение, а на гадалея Валаама повлияла его ослица, и он из языческого гадалея обратился в пророка Бога живого. Не замечаете ли вы иногда и в себе необычные мысли, светлые, как огоньки? Это Бог действует на вас через ваши мысли. Или не удивляло ли вас иногда то, что вам вдруг кто-то, как бы вскользь, рассказал о судьбе человека, который страдал теми же тайными грехами и пороками, что и вы? И слушая его рассказ, смущалась наша душа и трепетала совесть. А это посланник Божий, хотя он и сам того не ведает. Не случайно он рассказал вам то, что должно послужить знаком и предостережением, и это главное, ради чего он пришел к вам, послан благим Провидением, ибо чаще всего Бог действует на людей через людей. Все это заставляет нас быть бесконечно осторожными и мудрыми, и словно бдительная стража, непрестанно бодрствовать над всем,

что происходит вокруг нас и в нас. Не напрасно Христос многократно повторял Свою заповедь: «Бодрствуйте, трезвитесь, чтобы не пасть в напасть» (Мф. 26, 14). Сонного стражника легко пленяет враг, сонные души в плену страстей, людей, бесов, мира и его обмана. Тяжкая судьба ждет тех, кто, словно неграмотный, смотрит и не видит, и, как глухой, слушает и не слышит. Часть нашей судьбы в нашей власти, самая значительная часть. Древний философ Эпиктет, современник апостола Павла, поделил все предметы на две категории, на те, что в нашей власти, и на те, над которыми мы не властны. В нашей власти, говорит он, мысли, желания, намерения, а не властны мы над здоро-

вьем, именем, славой и положением. Подобно Эпиктету но намного глубже и сильнее, сказал святой Максим Исповедник: «В нашей власти причины, по не их последствия». Он хотел сказать следующее: последствия нашей видимой судьбы, приятные и неприятные, зависят от нас самих.

А если все так, брат, возьми крепко в свои руки причины добра, а причины зла быстро отбрось от себя, как отбросил бы из-за пазухи змею. Не дай своему сердцу наполниться нечистотой, ибо от него будет полняться нечистотой твой дальнейший путь. Нет на свете такой ямы, в которую могло бы вестись нечистоты больше, чем в человеческое сердце. Наполни свое сердце страхом Божиим, верой и милостью, и не замедлят благие последствия. И от благоухания твоего сердца весь твой путь наполнится благоуханием, наполнится миром, покаянием, мужеством и стремлением ко Всему, что добро в очах Творца твоего. И испол-

нится на тебе народная мудрость о добром человеке, которая говорит: Не копи ненужного сокровища, а если накопил, потрать его на добро многих ради имени Христова, ибо задушит твое богатство тебя и твоих любимых. Сестра, тебе сейчас говорю, слушай и запомни, не истребляй детей, которых Господь посылает тебе как драгоценный дар, чтобы не отнялись у тебя дети, которые тебе раньше дарованы.

А ты, дитя, не отчаивайся над своей судьбой, загляни в свое сердце и посмотри, какое семя ты в нем посеял. Не избегай служения, не бойся страданий. Не верь в слепую случайность. Чаще вспоминай слова Христа — «у вас же и волосы на голове все сочтены» (Мф. 10, 30), — и ободришься. Твой Бог — Бог Всезнающий и Всемогущий. Верь Ему, очищай свое сердце и надейся на добро, только на добро. Твой Бог дал Себя распять на кресте из любви к тебе. Такого Бога не может заменить ни один другой «бог». Между небом и землей существует невидимый «телеграф», который работает днем и ночью с тех пор, как Адам возник из праха и был Духом оживлен. Отделение этого «телеграфа» на земле — это сердце человека, а центр на небесах — это Бог. И твое сердце — одно из таких отделений, с которым Всевышний общается. Не говори в страдании: Господь меня не видит! Разве может не видеть Тот, Который сотворил око? И не говори в искушении: Бог не слышит меня! Разве может не слышать Тот, Который сотворил слух? И никогда не говори: Бог меня не любит! Если бы Он не любил тебя, разве сотворил бы тебя и хранил на этой арене жизненной борьбы? Не говори и так: я слишком грешен и нечист, чтобы Бог заботился обо мне! Бог верит в тебя, верь и ты в Него! И потому что Он верит в то, что ты очистись и исправись, Он хранит твою жизнь и ждет. Уповай на Господа, ибо Он полагает на тебя надежду. Если бы Он не имел надежды на то, что однажды ты поднимешься и отряхнешь пепел греха с Божественного очага в себе, разве Он бы держал тебя среди живых? Ведь Бог твой не избегал мертвых, не отворачивался от прокаженных, не презрел женщины-грешницы, не отверг разбойника на Кресте. И тебя Господь не презрит и не отвергнет. Отдай Ему сердце свое, и Он отдаст тебе Свое.

**По страницам книги
«Творите дела правды»**

ВЕСТИНИЧЕК

Я.М.ПИНЯСОВ

КТО ГРАМОТНЕЙ?

Ехали в автобусе две девочки с книжками под мышками: Наденька и Катенька. Обе первоклассницы. Смирно сидели на своих местах, на кожаном диванчике, над которым написано: «Места для детей».

Вдруг автобус остановился. Раскрылись сами собой дверцы, и с передней площадки вошла старенькая старушка, чья-то бабушка.

Трудно было старенькой подниматься по ступенькам, да, спасибо, люди помогли — под руки поддержали.

Водитель оглянулся, увидел, что бабушка вошла, и тронул машину.

Бабушка покачнулась, ищет глазами — где свободное местечко. Да плохо видит.

Шагнула к девочкам. А Наденька как крикнет испуганно:

— Куда вы, бабушка! Прочтите, что здесь написано, — это же места для детей!

Вы что, неграмотная?

Стыдно стало Катеньке за свою подружку. Вскочила она с диванчика, усадила бабушку и говорит:

— Простите, пожалуйста, Наденьку, она у нас ещё не совсем грамотная.

Старушка села и говорит:

— Ничего, ничего, у вас жизнь впереди — ещё выучитесь!

Выбежали девочки на остановке, обе сердитые, красные, и давай спорить.

Наденька говорит:

— Ты что, не умеешь прочесть написанное? Тебя плохо в школе учили?

А Катенька говорит:

— Нет, это тебя плохо учили: не знаешь, что есть такое неписаное правило:

младшие должны уважать старших!

Долго они спорили, чуть на урок не опоздали.

Как вы думаете, кто из них прав?

КЕМ БЫТЬ И КЕМ НЕ БЫТЬ?

Шли по улице два товарища — Петя и Коля. Дружные, рука за руку. Остановились у витрины книжного магазина. Полюбовались книжками,

— Зайдём купим?

Зашли. Пересмотрели немало обложек и картинок.

Коля быстро купил одну, вторую — обе с картинками — и, заплатив деньги, ложил в карман сдачу — три гривенника.

А у Пети денег было маловато. Очень понравилась ему книжка «Кем быть?». купишь такую и сразу много узнаешь хорошего. Посчитал Петя деньги — и на эту не хватает. И немного: всего гривенника недостаёт.

— Коля, — попросил он, — дай займы десять копеек. Такая хорошая книжка — рассказывает: кем быть и кем не быть.

Нахмурился Коля:

— Не хватает денег — не покупай, и всё!

Пожалел деньги.

Посмотрела на приятелей тётя-продавщица, которая только что отдала Коле сдачу, и сказала Пете:

— Не огорчайся, мальчик! Кем, быть — ты узнаешь, когда подрастёшь. А кем не быть — твой товарищ знает.

При этих словах Коля покраснел и вышел из магазина потихоньку, чтобы не звенели в кармане гривенники.

А Петя выбежал за ним и всё спрашивал:

— Скажи, Коля, кем не надо быть? Скажи!

Коля угрюмо помалкивал.

Хоть и знал, да не сказал. Вы не догадываетесь почему?

ПЕТР ПАВЛОВИЧ ЕРШОВ И ПРАВОСЛАВИЕ

Для многих людей имя Петра Павловича Ершова (1815-1869) ассоциируется преимущественно со сказкой «Конек-Горбунок». Все последующие произведения писателя, с точки зрения господствующей цензуры, были сильно «подпорчены» религиозно-монархическими идеями. В результате немалая часть его произведений до сих пор не опубликована или преподнесена в ряде изданий в «усечённом» виде. Соответственно, наше представление о его духовной жизни, в которой религиозные искания были едва ли не самым важным, оказывается очень неполным. К тому же, для создателя «Конька-Горбунка» было характерно удивительно требовательное отношение к своим произведениям и скромная оценка собственного дарования. Он не умел, — да это было бы и не в его характере, — пользоваться шумной славой сочиненной им сказки. Напротив, П.П. Ершов часто публиковал свои стихи, рассказы, драматургические произведения анонимно или под псевдонимами. Может быть, поэтому, из-за авторской совестливости, затерялось имя славного поэта Петра Павловича Ершова в сутолоке литературной борьбы.

В этом году отмечается 200-летие со дня рождения православного поэта Петра Павловича Ершова.

П.П.Ершов появился на свет в деревне Безруковой Ишимского округа Тобольской губернии 22 февраля (6 марта по н. с.) 1815 года. Опасаясь за жизнь ребёнка, появившегося на свет очень слабым, родители решили крестить его в тот же самый день. В деревне Безруковой, месте проживания семьи писателя, в те времена своего храма не было, а поселяне были приписаны к приходу градоишимской Богоявленской церкви. В ней и совершил таинство крещения семидесятилетний священник Иоанн Симонов.

В соответствии с церковным календарём-именословом младенец был наречён во имя святого Петра Столпника и Молчальника, то есть получил, с одной

стороны, очень распространённое, а с другой, очень редкое имя. Даже в наше время, при всём обилии соответствующей литературы, найти житие этого святого трудно. Жизнь этого святого была отмечена подвигами затворничества и безмолвия. Он мог изгонять бесов и излечивать от недугов, а его власяница, когда её прикладывали к заболевшему ребёнку, оказывала целительное воздействие. Возможно, это было принято во внимание иереем Симоновым, окрестившим очень слабого, кричавшего без умолку младенца.

Ершов трепетно относился к своему небесному покровителю, о чём свидетельствуют постоянные упоминания в его письмах к родным и друзьям 22 февраля — дня его рождения, совпадающего с днём его именин и даже 22-го числа других месяцев. К примеру, в письме к жене от 23 ноября 1858 года Ершов, в ту пору директор училищ всей Тобольской губернии, пишет следующее: «... Вот я и в Ялуторовске. Это последний город настоящего моего маршрута, и потом к вам, обнять тебя и милых детей. Из Ишима я выехал в субботу, в 5 часов, в 6 часов мы были уже со зрителем в Безруковой, месте моего рождения, и пили чай. Тут явилось несколько крестьян с сельским головой, с просьбами о моём содействии — соорудить в Безруковой церковь. Они хотят составить приговор — в течении трёх лет вносить по 1 рублю серебром с человека. Моё дело будет — испросить разрешение на постройку церкви, доставить план и помочь по возможности. Смотритель сказал, что церковь надобно соорудить во имя преподобного Петра, и крестьяне согласились. Место для церкви они сами выбрали то самое, где был наш дом, т.е. именно там, где я родился. Признаюсь, я целую ночь не спал, раздумывая о том — неужели Господь будет так милостив, что исполнится давнишнее моё желание и освятится место рождения и восхвалится имя моего Святого. Не даром же в нынешнем году в календаре в первый раз упомянуто имя его. Сближение, как ни суди, пророческое. А как приятно мне было слышать от старых крестьян нелицемерные похвалы моему отцу! Всё это составило для меня 22 число (припомни — 22-е, а не другое) одним из приятнейших дней моей жизни».

Можно предположить, что имя этого святого в каком-то таинственном смысле определило сам нрав Ершова: его застенчивость, скромность, склонность к уединению. Эти черты характера писателя выделял первый биограф Ершова А.К. Ярославцов, в книге которого достаточно частыми являются понятия «затворничества», «отшельничества», «безмолвия».

Забегая несколько вперёд, следует сказать, что храм на родине Ершова строился с 1862 по 1876 годы и был освящён во имя Петра Столпника. И вряд ли во всей России

можно было найти ещё один храм с таким названием. Но судьба его оказалась драматичной: он подвергся разрушению в июле 1969 года.

Ершов был человеком глубокого религиозного чувства. Вера в Провидение, покорность Промыслу помогли ему выстоять во всех испытаниях, выпавших на его долю. А их, как известно, было немало: смерть отца (1833), брата Николая (1834), матери (1838), дочери-первенца Серафимы (1840), второй дочери, также наречённой Серафимой (1841), жены Серафимы Александровны (1845), второй жены — Олимпиады Васильевны (1853), а через месяц дочери-малютки Серафимы. В июле 1856 года, почти в одну неделю, умирают сын Николай и дочь Ольга. Но все эти беды, тяжело переживаемые Ершовым и надолго «выбивавшие» его из творческого состояния, тем не менее, не поколебали веры в Бога. В одном из писем к своим петербургским друзьям В. Треборну и А. Ярославцову он размышляет: «Паду ли я, или буду невредим — за всё благословлю благое Провидение. Не упрекните меня в фатализме: вера в Провидение не однозначнее слово с предопределением».

Чуткая, страдающая душа Ершова отражена в его никогда не публиковавшемся письме к Анне Петровне Вилькен, урождённой Жилиной, от 9 июля 1845 г. Это пронзительное по своей интонации послание, в котором сообщается о смерти жены Серафимы Александровны, сохранилось в личном архиве потомка Анны Петровны, петербургского кинорежиссёра К.В. Артюхова:

«Письмо моё будет коротко, милая кузина. Только радость говорит, а печаль молчалива. И что сказать мне, когда я до сих пор не могу ещё образумиться. Удар был так неожидан, так внезапен, что не пасть под ним надобны были вера и особенная помощь Божия. Вы знали умершего Ангела, знали и чувства мои к ней: почему поверите моей печали. Да, из всех потерь, какие испытал я, потеря любимой жены — самая ужасная. Точно половины самого себя не стало. С опустелым сердцем, с тяжкою думой, с грустным воспоминанием — неужели это жизнь? Только религия согревает остывшую душу, только она одна освещает мрак могильный, и за гробовой доской представляет её ещё лучше, чем она была на земле. А что было бы без этого небесного утешения!»

С ранней юности в круг интересов Ершова входили духовные книги. По воспоминаниям А. Ярославцова, петербургские годы Петра Павловича проходили «в неутомимой жажде чтения». Он пользовался, как и А.С. Пушкин, библиотекой А.Ф. Смирдина. Отсюда он брал также книги религиозного содержания, «в которые любил погружаться, стараясь укрываться от любопытных». А по возвращении в Тобольск он формирует личную библиотеку, где одно из важных мест занимает духовная литература. Тобольский биограф П.П. Ершова А.И. Мокроусов, в своём, так и

неизданном, труде о нём, написанном в 1918 году, упоминал, что ему приходилось видеть в ершовской витрине Тобольского музея много книг, которые Пётр Павлович часто перечитывал.

Причем часть книг Священного Писания была переписана руками его учеников и самим Ершовым. Примечательно, что переписанные им Книга Иова и Книга Бытия помечены всё той же датой: 22 февраля 1854 года.

Ершов поклонялся православным святыням, часто посещал Иоанновский Междугорский и Абалакский монастыри под Тобольском, а во время своей командировки в Петербург в 1858 году заезжал в Свияжский Богородицкий монастырь, в котором пребывал на покое бывший архиепископ Тобольский Евлампий, а на обратном пути, остановившись в Москве, выделил два дня для поездки в Троице-Сергиеву Лавру. С собой он возил крест и икону святого Германа. Выезжая с ревизией училищ, он всегда служил молебен о благополучном возвращении к семье.

В своих произведениях и особенно в письмах он оставил поэтическое описание православных обрядов. Так, в письме от 18 июля 1841 года из фондов Музея-архива Д.И. Менделеева в Санкт-Петербурге он рассказывает своей падчерице Феозве (в будущем она станет женой Д.И. Менделеева) о встрече чудотворной Абалакской иконы Божией Матери: «Нынешний год жители Тобольска оказывают большое усердие к Богоматери. Каждый день поднимают икону и с хором певчих сами — особенно девицы и дамы — несут её с горы в свой дом и обратно. Особенно поздно вечером это зрелище делает самое живое впечатление. Народу, хоть его всегда довольно, не видно за темнотою; раздаётся только торжественное: «яко необоримую стену ...» и пр. И свет свечи в фонаре, подобно звезде, блестит впереди, иногда отражаясь на золоте ризы Богоматери. Но ты сама бывала зрительницей подобных выносов, и потому тебе легко представить подобную картину».

Религия является одним из главных источников творчества Петра Павловича. Философию и эстетику

его прозы, поэзии и даже сказки «Конёк-горбунок» невозможно представить вне религиозной сферы, вне отношения писателя к Православию. Очень значимыми образами произведений Ершова, особенно его лирики, являются образы «райской обители», «небесной обители», «небесного света», «светлого мира упования», прекрасных ангелов — херувима и серафима, Божьего храма — «Господнего дома», «святого креста», «святой веры», «тёплой молитвы» и образ Бога, для которого поэт находит множество имён и определений: «Всеблагий Творец», «Создатель мой», «Отец Небесный», «Учитель Вселенной», «Царь Вселенной», «Творец спасенья», «Царь веков», «Отец людей любвеобильный».

рис. Н. Кочергина

Религиозное чувство в лирике Ершова неотделимо от эстетического. Герой испытывает восторг перед красотой и совершенством Божьего мира:

Мир Господень так чудесен!
Так отраден вольный путь!
Сколько зѣрен звучных песен
Западѣт тогда мне в грудь!
Я восторгом их обвею,
Слѣз струями напою,
Жарким чувством их согрею,
В русской речи разолью.

(«К друзьям», 1837)

Духовная лирика Ершова отмечена особым эмоциональным напряжением. В ней, как правило, наблюдается резкая смена настроений и призывная интонация. Лирический герой, переживающий отчаяние, изнемогающий под «свинцовой цепью страстей» и заблуждений, останавливается на краю бездны безверия и выражает готовность одолеть все невзгоды:

Но прочь малодушный укор!
Готова награда терпенью...
На нас — благодеющий Взор!
Над нами — рука Провиденья!
Настанет, я верю, пора —
Утихнет мятежное море,
И стает лдяная гора,
И чѣлн мой скользнѣт на просторе.

(«В альбом В.А. Андронникову», 1851)

И сами страдания заключают в себе великий смысл, свидетельствуя о некоем богоизбранничестве героя:

О, торжествуй! Судья вселенной,
Прозревши клад в тебе бесценный,
Тебя страданием почтил.
Любовь превечная судила
Тебе пройти чрез огонь горнила,
Чтоб ты и чист, и светел был...

(«Призыв», 1846)

Не только духовная лирика Ершова, но и другие его произведения — неопубликованные или затерянные в старых изданиях, свидетельствуют о разнообразии и глубине его религиозных и художественных интересов. Мало кто знает

о том, что в Петербурге Ершов учился игре на флейте у известного музыкального педагога того времени и композитора О.К. Гунке, по совету которого написал в 1836 году либретто большой волшебной-героической оперы в пяти действиях «Страшный меч», которое было опубликовано лишь после смерти Ершова. Содержанием «Страшного меча» является прошлое Киевской Руси, время княжения Владимира, показанное в условном, сказочно-фантастическом преломлении.

Стихи Ершова-либреттиста красивы по интонации, богаты в ритмическом плане и отчётливы в идейном отношении. Здесь утверждается мысль о Православии как великой силе, объединяющей русских людей. Эта мысль освещает заключительную песнь оперы — песнь певца Баяна:

Второй наш кубок за народ
Святой Руси перводержавной!
Да в недрах веры православной
Его величье возрастѣт.

П.П. Ершова всегда интересовала и проблема перевода книг религиозного содержания. Ещё в первые годы службы в Тобольске он работал над статьёй «О переводе Священных книг».

Как уже говорилось, во всех трудных случаях своей многострадальной жизни Петр Павлович искал утешения в религии. Он не только не роптал на Бога, испытав потери близких, но восклицал:

Но прочь укор на жизнь, на веру.
Правдив Всевышнего закон.

И сама кончина его была истинно христианской. Перед смертью, которая наступила 18 августа 1869 года, он исполнил святой долг: исповедался и причастился, благословил своё семейство и простился со всеми. К этому следует добавить, что за несколько дней до кончины его посетили крестьяне из села Безруково, которые строили храм на его родине — храм, на освящении которого он так хотел побывать, желая этого даже в самые последние минуты своей жизни.

20 августа 1869 года «огромная толпа жителей Тобольска проводила тело усопшего автора «Конька-Горбунка» до могилы на Тобольском кладбище за валом или, как тамошние жители выражаются, на завалье».

Сибирская Православная Газета

РАССКАЗ

Петр Павлович Ершов

Мудрый храм

Наступила Страстная седмица. Христиане всякого пола и возраста спешили в храмы очистить души свои покаянием и причащением, чтобы в белых одеждах чистоты и невинности встретить величайший праздник христианского мира. Вот уже приступили они к жертвеннику примирения, и из рук пастырей приняли страшные тайны Христовы. В соборе совершился трогательный обряд умовения, и наступил великий Пяток — день скорби и траура для душ христиан. Казалось бы, в эти торжественные дни ни одно из земных помышлений не должно было омрачать мысли православных, — но не так было на самом деле. Большая часть людей, хотя более в простоте незнания, думали, что, очистив внутреннее, они должны были очистить и внешнее, чтобы достойнее встретить светлый праздник. В домах хлопотали об уборке; рынки были наполнены припасами; ремесленники, заваленные работой, не могли и

подумать — хоть раз побывать в церкви. Правда, в часы богослужения и без них храмы были полны народа; но зато остальное время всё посвящалось суете мира.

В это время два брата случайно услышали от приезжих крестьян, что недалеко от города показался медведь. Так как они были страстные охотники, то эта весть заняла все их мысли и желания. Место было не дальше, до праздника оставалось ещё два дня. Авось можно будет заповлеть зверя и воротиться в город накануне Пасхи. Сколько домашних ни упрашивали братьев, сколько ни представляли им убеждений о неуместности их желания, два брата решительно отвечали, что такие случаи очень редки, что они с удачей или нет — непременно воротятся к празднику. Делать было нечего; оставалось предоставить их собственному произволу.

И вот братья, вооружённые винтовками и ножами, отправились полевать зверя. Хотя Пасха в том году была ранняя, и снег не думал ещё сходить, однако ж погода стояла тихая и тёплая, обещающая приятную охоту.

В шести верстах от города, по указанию крестьян, они свернули в лес, по следам зверя. Не будь они заняты мыслью — скорее встретиться со своим косматым противником, они невольно остановились бы полюбоваться представлявшимся им ландшафтом. След зверя вёл их редким лесом, часто прорезывавшимся прогалинами, которые открывали приятные виды в отдалённости. Деревья в зимней своей одежде из белого бархата рисовались такими разнообразными группами, что глаз затруднялся решить — которая лучше. Здесь низкий боярышник или калина представляли шалаши из сетчатой ткани, опушённой зубчатой бахромой; тут высокая рябина выдавалась из кучи кустарников павильоном в китайском вкусе; там берёзы, соединённые ветвями, образовали длинные переходы со стрельчатыми арками и с кистями по обеим сторонам перспективы, в которой стволы деревьев заменяли колонны. Прогалины, словно огромные залы, покрытые белым пушистым ковром, под голубым сводом неба, разрисованным гротесками выдающихся вершин, — придавали новое очарование зимнему ландшафту. Там и сям небольшие холмы рисовались лагерем таинственных воинов леса. Этот оптический обман ещё более увеличивался разбросанными одиночными деревьями, которые с простёртыми своими ветвями и в плюмаже вершин казались стражами этого лагеря. Если к этому прибавить контраст зелени высоких сосен и елей, сохранивших свою летнюю одежду под холодом зимы и представлявших как бы странниками между белыми жильцами лесов, вы будете иметь идею о ландшафте, который окружал охотников.

Простите меня за длинное описание. Я люблю зиму почти столько же, сколько и лето. В моих глазах зима не смерть природы, а только время её упокоения. Снаружи бездейственная, безмолвная, зимняя природа сосредоточивает свою работу внутри, и кажется, думает о том — каким образом с первым лучом весеннего солнца развернуть свою мысль в красоте видимого образа. Зима — это углубление природы в самое себя, зерно будущего её развития, то мрачного и угрюмого, то веселого и пленительного, соответственно разным частям плана той огромной картины, которую она, во время весны и лета, развертывает на протяжении полмира, оживляя пластику образов жизнью людей и животных.

Но охотникам, как я сказал, было не до созерцания. Они видели в лесу одни деревья, покрытые снегом, а на земле только след зверя — единственный предмет, наполнявший их мысли. Размениваясь изредка словами о дороге и об охоте, они, по указанию следов, всё шли далее и далее в лес. Сильное желание их — скорее встретиться с медведем — заставило их даже пренебречь обыкновенную осторожность охотников, то есть, они шли, не замечая пути, который беспрестанно переменил своё направление. С наступлением вечера братья решились остановиться и провести ночь в лесу, очередуясь на страже. Нарубили сучьев и развели огонь. Рюмка вина и кусок хлеба удовлетворили непритомливый аппетит охотников. Младший из них, завернувшись в свою шубу, тотчас же заснул; а старший сел к огню, положив на колени к себе винтовку, и то поправлял огонь, то оглядывал окрестность. Беспрестанное ожидание встречи с неприятелем изгоняло всякую другую мысль из его головы. Изредка запевал он в полголоса песню, или делал несколько шагов подле костра, чтобы размять свои члены, а потом снова сидел молча на своей страже. Через несколько часов он разбудил брата, и сам лёг уснуть.

Мысли меньшего стража сперва колесили около тех же мыслей, что и у старшего; но вскоре приняли другое направление, более приятное. Он вспомнил серенький домик в городе, с небольшим садом подле ворот и с светлыми комнатами. Там он видел молодую девушку, которая своим взглядом заставляла сердце его биться особенно приятным образом. Ему пришла на память первая встреча с нею в летний день на берегу реки; робость его вопросов, застенчивость её ответов; потом знакомство с её родителями, которые приняли его с патриархальным радушием. Дни за днями проходили в его воображении — то с весёлою улыбкою награждённого ожидания, то со вздохом обманутой надежды. Но вот он дошел до того дня, когда он несвязным своим признанием похитил из уст робкой девушки сладкое слово взаимности. Тут следовало согласие родителей и мена колец на вечную верность. Живо представился ему наступающий праздник, в который он — по праву жениха и по христианскому обычаю — в первый раз напечатлеет горячий поцелуй на розовых губках невесты. Мысль его забежала вперед — за окончание праздника. Вот уж он ведет к алтарю свою возлюбленную: священник благословляет союз их; весёлый поезд сопровождает его домой вместе с супругой. Стол блестит приборами и ломится под кучею блюд. В перспективе комнат видна парадная постель с закрытыми занавесками, как символом тайны и скромности. Сердце его бьётся неудержимо: сладкая слеза готова вырваться из глаз...

— Хорош караульный! — вдруг раздался голос старшего брата. — Спит себе, как будто дома на кровати. Хоть бы за огнем-то присмотрел немного. Смотри, уж одни угли остались.

Вырванный из чар воображения незавидною действительностью, мечтатель, казалось, был сброшен с неба на землю. Но не желая даже родного брата посвятить в заветные свои думы, он охотно перенес незаслуженный упрек в дремоте и сказал:

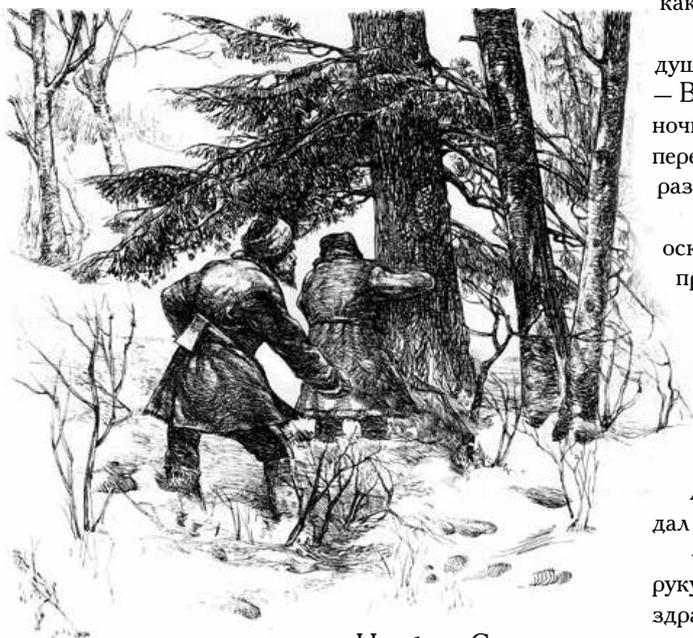
— Виноват, Федя, вздремнул немножко.

— Да, видно немножко, — возразил брат. — Взгляни-ка на восток: там уж заря свой костёр зажигает. Перекусим чего-нибудь и вперед. Если до полудня удастся

встретить мишку, так хорошо, а не удастся, так надо вернуть оглобли.

Братья вынули из сумы убогий завтрак и, подкрепив им силы, отправились далее.

Лес становился чаще и чаще. Берёзы, пробуждённые присутствием людей, точно с досадою осыпали их снежною пылью; длинные ветви цеплялись за их платье, будто желая остановить их. Но след зверя, словно обманчивый вожатый, манил их всё дальше и дальше и с каждым шагом решительнее обещал довести их до берлоги медведя. Время близилось уже к полудню. Решившись ещё час попытать удачи, братья, уже усталые не столько от утомления, сколько от напрасного ожидания, сделали ещё несколько вёрст вперёд. Вдруг погода, до того времени тихая, внезапно изменилась. Снег повалил хлопьями прямо в глаза охотникам и вскоре замёл не только след зверя, но даже и их собственные следы. Братья решились воротиться. Оглядев местность, сколько позволяла им снежная непогода, они повернули назад, и пошли лесом напрямик, держась направления к западу, где лежал город. Молчание их прерывалось только треском сучьев, которые отбивали они на пути, и изредка несколькими словами, сказанными кем-нибудь из них, по случаю небольшого обхода. Снег всё усиливался, и наконец пошел так густо, что нельзя было различить самых близких предметов. В это время характер братьев выразился в различных чувствах, наполнявших их души. Старший, с твёрдою волею и неизменяемым хладнокровием, шутил насчёт неудачной охоты; младший же готов был сердиться на каждую снежинку, которая попадала ему в лицо.

— Ну, брат Саша, — говорил старший, — теперь очередь медведю за нами охотиться. А впрочем, это было бы очень скверно, если б господин Мишук напал на подобную мысль.

— Сердце мое чувствовало, что охота наша будет неудачна, — отвечал младший. — И признаться, я пошел только потому, что не хотел тебя одного предоставить опасностям охоты.

— Спасибо, Саша. Зная твою ко мне привязанность,

я не удивляюсь этому. Вот на днях надеюсь отблагодарить тебя, выпив лишнюю рюмку вина на твоей свадьбе.

— Полно, Федя, говорить об этом. Каждый шаг теперь кажется мне остоячкой верстой, и я охотно бы уступил всех медведей в мире за тощую клячу, которая бы дотащила меня до города. Сердце так и поёт, как подумаю, что теперь делает моя Лиза.

— Ничего, Саша. Сердце хотя и вещун, но иногда делает ужасные промахи. Вот хоть бы моё. Когда я услышал о звере, так оно застучало так, как бы медведь лежал уже под выстрелом моей винтовки. Ну, а на деле, почтеннейший Михайло Иванович, вероятно, преаппетитно сосёт теперь свою лапу и посмеивается над нашим донкихотством.

Ещё несколько времени продолжался разговор в том же тоне. Но когда короткий день свечерел, а большая дорога скрывалась ещё в тумане неизвестности, шутки прекратились, и нетерпение овладело даже душой старшего брата. Молча они шли ещё несколько времени, осыпаясь снегом и сражаясь на каждом шагу с ветвями деревьев. Темнота постепенно увеличивалась, и вскоре мрак вечера соединился с мраком непогоды. Тоска овладела младшим. Он бросил свою винтовку и кинулся на снег.

— Нет сил больше идти, — вскричал он в порыве отчаяния.

Старший принялся утешать его, представляя, что, по всем приметам, они уже недалеко от города, что ещё час-два, и они будут дома. Но как утешения эти выходили не из уверенности, то они только увеличивали тоску младшего.

— Оставь, пожалуйста, братец, свои утешения, — сказал он тоном досады. — Вот привел Бог узнать на опыте, как сладкие слова в иную пору хуже горькой редьки.

— Эх, Александр, я не ожидал от тебя такого малодушия, — отвечал старший, остановившись подле брата. — В прежнее время ты был гораздо бодрее. Вспомни хоть ночь под Искером, когда мы на дырявой лодке ночью переправлялись через шумящую реку. Или уж любовь так разнежила твоё тело, что сделала тебя слабее женщины.

— Ни слова о любви, Фёдор, если не хочешь меня оскорбить. Напоминание о ней теперь — острый нож прямо в сердце.

— Ну, о любви в сторону. Я сказал о ней только в надежде, что ты найдешь в ней новые силы продолжать путь.

— Я сказал, что не могу идти. Ступай, если хочешь, а меня оставь на волю Божию.

— Брат! — сказал старший с упрёком.

Александр почувствовал свою неосторожность и подал брату руку в знак примирения.

— Вот этак лучше, — сказал старший, пожимая брату руку. — Хоть убей меня, а я так убеждён, что мы воротимся здоровы и невредимы, что готов прозакладывать свою голову за ореховую скорлупу. Вот отдохнём немного, — продолжал он, садясь подле брата, — выпьем винца и вперёд.

Сказав эти слова, Фёдор выпил вина и, снова наполнив рюмку, передал её брату. Но тот с досадою оттолкнул рюмку.

— Если не хочешь, так по крайней мере не проливай вина, — сказал Фёдор, выливая вино в баклагу... — А посмотри-ка, Саша. Я иногда мастер угадывать. Снег помельче. Даст Бог, через час совсем прекратится.

Александр взглянул вокруг себя, и слабая надежда затеплилась в его душе.

— Пойдём, — сказал он, вставая.

Братья снова пошли.

Снег действительно скоро перестал, но зато мрак ночи быстро надвигался на предметы. Пройдя около часу лесом, братья наткнулись на шалаш, вероятно, сделанный пастухами или охотниками.

— Вот и признак жилья, — сказал старший. — Теперь совет: дожидаться ли здесь утра или идти вперед ощупью? Ба! Скоро уже 10 часов, — продолжал он, подавив репестир часов. К заутрене всё-таки не поспеем.

Младший вместо ответа бросил свою винтовку и лёг в шалаш, не говоря ни слова. Фёдор покачал головой при виде такого малодушия своего брата, наломал сучьев и развёл огонь у входа в шалаш. Закурив сигару, он сел подле огня и дал волю своим мыслям.

Главная дума его была о наступающем празднике и об их положении. Верно, думал он, Господь прогневался на них за то, что они в такие великие дни допустили овладеть собою житейским мыслям, и в наказание лишил их христианской радости — встретить Воскресение Спасителя в храме Божиим. Ему сделалось грустно. Он мысленно просил у Бога прощения в своем грехе, и дал обет — целую неделю Пасхи ходить ко всем службам. Успокоенный обетом, Фёдор стал мысленно припоминать знакомые ему молитвы, и в этой внутренней беседе с Богом, казалось, забыл и брата и своё незавидное положение.

Между тем Александр, завернувшись в шубу, предался овладевшей им тоске. Но у него дума имела более житейское направление. Мысль о невесте, о поцелуях христосования затмила все другие мысли, которые приближение великого праздника вызывало из христианской души. Поэтому вместо спокойствия она только разжигала его малодушие, так что наконец он не мог удержать себя и горько заплакал. Но в этих слезах, хотя источник их был не без упрека, благодать небес послала ему отраду. Наплакавшись вдоволь, он заснул глубоким сном.

Так проходили для братьев последние часы той Великой Субботы, в которую Богочеловек снова почил от великих дел Своих. Не знаю, найдется ли хоть один сколько-нибудь питающий религиозное чувство, кто бы в это навечерие великого дня, по крайней мере одну минуту не посвятил духовному размышлению. Великость события, в котором небо, земля и ад были сценою, в котором любовь Божества превозмогла над неумолимым правосудием, и смерть Бессмертного отворила заключённые врата вечной жизни, — это событие, подавляя плоть и ум, окрыляет душу и всё сердце обращает в одно чувство, полное неизъяснимого блаженства. Никогда мысль о бессмертии не представляется так ясно пред очами веры, как в эти минуты совершившегося искупления. Кажется, что во мраке Голгофы с самой минуты: совершилась! — заблестал уже неугасимый свет новой жизни. И когда апостолы ещё оплакивали смерть своего Учителя, на небе и в сени смертной раздавался уже победный клик воскресения!

Между тем ночь субботы оканчивалась. Фёдор вынул часы и при свете костра следил за движением стрелки — единственной вестницы наступления праздника. Вот уже осталось пять минут.

— Скоро, — думал он, — раздастся звон колоколов и обрадует православных. Мы одни, по собственной вине своей, будем лишены этой радости. Но творись воля Божия! Для христианина везде храм и божество. Мы огласим этот пустынный лес гимном Воскресения, и бездушные деревья отзовутся на наш христианский привет!

Поправив огонь, Фёдор снова взглянул на часы.

Оставалась одна минута. Встав на колени и сняв шапку, он смотрел на стрелку часов, бывших у него в левой руке, а правую готовился осенить себя крестом со словами: Христос воскрес! Но едва только стрелка указала на 12, и рука поднялась для осенения крестом, вдруг звонкий благовест поразил слух Фёдора. Изумлённый этой неожиданностью, он удержал крестное знамение и, казалось, не верил ушам своим. Но вскоре повторяемые звуки колокола уверили его, что он не ошибся. Это был действительно благовест — ровный, звонкий, торжественный. Слезы брызнули из глаз Фёдора. Он сделал земной поклон, и несколько времени лежал ниц, повторяя вполголоса: «Христос воскрес! Христос воскрес!»

Потом он кинулся к своему брату.

— Саша! Саша! Вставай! Бог милостив ещё к нам. Слышишь?

Александр проснулся и с удивлением смотрел на брата, у которого слезы восторга капали из глаз.

— Что с тобой, Федя? — спросил он, быстро вставая. — Ты плачешь?

— Да, да! Плачь и ты, Саша. Слышишь?

Александр прислушался и вскоре благовест коснулся и его слуха.

— Это благовест, — сказал он с непритворною радостью. Значит, близко деревня.

— Да, да. Ну, что же ты? Христос воскрес, Саша!

— Воистину воскрес, Федя.

И братья со слезами кинулись друг другу в объятия.

Тут рассказчик на минуту замолчал. В звуках голоса его дрожала слеза. Казалось, он сам был одним из братьев или был очевидцем этого торжественного объятия христиан во имя Христа воскресшего. Слушатели были тоже тронуты. Через минуту Лесняк стал продолжать рассказ.

Нечего, кажется, говорить, что братья поспешно отправились в ту сторону, откуда слышался благовест. Сердца их были так полны, что вместо всякого раз-

говора, они говорили только по временам: Христос воскрес! Между тем благовест с каждым шагом их делался всё слышнее. Нельзя было описать впечатления, производимого колоколом. Это была звучная серебряная струя, которая катилась ровно и торжественно, изредка дрожа на волнах воздуха. Что-то особенное слышалось в этом звуке, по крайней мере для слуха братьев. Они внутренне сознавали, что ни один колокол не производил на них такого сладко потрясающего чувства; казалось, что это был голос неба, а не земли.

Часа через полтора они увидели на небольшой поляне одинокую церковь, ярко освещенную внутри. Но никакого жилья, даже признака обитания не было поблизости. Между тем чрез окна виднелась в церкви толпа народа всякого пола и возраста.

Не дошедши нескольких шагов до храма, братья увидели торжественную процессию встречи воскресшего Спасителя. Весёлый звон колоколов сливался с радостным пением гимна: «Воскресение Твое, Христе Спасе!» Блеск множества свечей в руках молящихся озарил окрестность на большое расстояние. Впереди за св. иконами, с крестом и с пасхальной свечью, шёл седой священник величественной наружности. Ему сопутствовал диакон в самом цвете молодости и поразительной красоты. Казалось, это был ангел, принявший вид человека.

Братья, оставив свои охотничьи принадлежности под одним деревом, подошли к процессии, и вместе с нею вступили в церковь. Старый придверник вручил им свечи с радостною улыбкою и с приветствием: «Христос воскрес!» Но к удивлению их он не взял денег, а просил отдать их первому нищему, который будет просить милостыни во имя Христа. Братья со свечами в руках пошли вперед. Народ, пропуская их, приветливо им кланялся и говорил: «Христос воскрес!»

Первые минуты посвящены были обзору церкви, которая им была совершенно неизвестна. Это был небольшой храм в византийском вкусе. Иконостас не блестел золотом; но архитектура его и живопись икон невольно привлекали зрение величественною своею красотою. Кроме лампад, множество свечей освещали иконы, и сливаясь с блеском свечей в руках народа, разливали яркий поток света. Но этот свет, казалось, был только отражением того блеска, которым горел алтарь, а особенно престол, хотя на нём кроме обыкновенных подсвечников ничего другого не было. Трудно было угадать — откуда изливалось это море сияния: от иконы ли Воскресения, стоявшей пред престолом, или с алтарного купола, закрытого иконостасом. Самый дым фимиама над престолом являлся прозрачным облаком, невольно напомиравшим собою путеводный столп Израильян в пустыне.

Клиросы были пусты; но зато весь народ составлял один согласный клир. Тут звучали все голоса, начиная от нежного детского и женского до могучего мужского, и ни один неверный звук не расстраивал этой дивной гармонии — пасхального напева. И что более увеличивало торжественность службы, так это благоговейное спокойствие молящихся. В продолжение всей службы ни один не перешёл со своего места, кроме священнослужителей, ни одно дитя не обернулось в сторону. Все взоры были устремлены на алтарь и иконы, и только движение

губ при пении и благоговейный образ креста — докзывали, что это живые существа. Братья так увлечены были этим величественным спокойствием, что невольно приняли те же чувства, то же положение, и так же невольно присоединили голоса к общему канону.

Наконец заутреня кончилась. Народ облобызал животворящий крест и образ Воскресения, и при братском объятии друг друга разменялся пасхальными приветями. Сколько братья ни вслушивались, они не слышали ни одного слова, которое напомнило бы мир с его суетою. Не было даже произнесено никакого имени, кроме одного великого: Христос.

Между тем двери храма открылись, и молящиеся с радостными лицами стали выходить из церкви. Братья следовали последние.

Было ещё темно. Снова оглядев окрестность в надежде открыть какое-нибудь жильё, чтобы приютиться до рассвета, братья не видели ни малейшего признака обитания. Тогда Фёдор обратился к одному из богомольцев.

— Здесь, должно быть, близко село, — сказал он, похристосовавшись.

— Не только село, но и город близко, — отвечал с улыбкою старик.

— Как же мы не могли увидеть? — спросил Фёдор с невольным изумлением.

— Должно быть, вы шли в другую сторону: притом же ночью немудрено просмотреть.

— Но мы блуждаем целые сутки и ни один признак не показал нам близости города.

— Это место редко посещается городскими жителями, хотя оно и недалеко от города. Вот подите отсюда прямо к оврагу; тут поверните направо до мостика. А там тропинка выведет вас на большую дорогу. Я бы сам взялся проводить вас до оврага, да у меня есть дело. Впрочем, скоро рассветает и вам нельзя заблудиться; а до того времени подождите у церкви.

Братья взглянули друг на друга. У них была одна мысль: отчего же не приглашают их в село. Старик, должно быть, угадал их мысль, потому что прибавил с улыбкою:

— В нашем селе вам нельзя быть до времени. Да это сверх того отдалило бы вас от города, где, чай, давно уж вас ожидают.

Старик поклонился и пошёл по направлению к ближайшему лесу. Братья, подумав, что это, должно быть, старообрядческое село, не хотели нарушать их обычая своим неуместным приходом, и решились ждать рассвета у церкви.

Но вот на востоке забрезжил свет. Окрестность постепенно как бы выходила из тумана. Взяв свои охотничьи вещи, они пошли по указанному пути.

При входе в лесок, они оглянулись на церковь и — остановились в изумлении. Вместо нового красивого храма стояла деревянная полуразвалившаяся церковь, почерневшая от времени, с разбитыми окнами. Высокие стебли травы, видневшиеся из-под снега, покрывали не только крыльцо, но проглядывали даже во многих местах ветхой кровли. Всё дышало мраком и запустением.

Братья посмотрели друг на друга.

— Неужели это та самая церковь, в которой мы слышали заутреню? — сказал Александр. — Глазам не верится.

— Я сам не могу понять этого превращения, — отвечал Фёдор. — Но, может быть, освещение придало

этому храму тот чудный вид, который поразил нас ночью. Притом же я слышал, что старообрядцы берегут древность, как святыню, и если украшают церковь, то только внутри.

— Но посмотри. Все стекла выбиты, стены наклонились; а по этой траве, которая покрывает крыльцо, можно полагать, что нога человека тут сто лет не ходила.

— И странная вещь, — прибавил Федор, — сколько ни напрягаю зрения, кроме наших, никаких следов не видно. А ведь такая толпа народа могла бы протоптать порядочную дорожку.

— Это непостижимо! Я бы подумал, что всё виденное нами был сон, если бы эта разрушенная церковь и ясное воспоминание о службе не противоречило этому. Не знаю, как ты, а мне даже страшно становится.

— Признаюсь, и я начинаю чувствовать беспокойство. Но пойдём скорее отсюда. Может быть, дорога успокоит нас, или мы узнаем разгадку этого чудесного превращения.

Перекрестившись на храм, братья молча пошли указанной тропинкой. Вскоре достигли они глубокого оврага, повернули вправо и через несколько времени увидели полуразломанный мостик. Всё было так, как сказал старик, и через полчаса они вышли на большую дорогу, прямо к верстовому столбу.

Поблагодарив Бога за окончание своего пути, они разрядили винтовки и весело отправились в город, куда и пришли перед поздней обедней. Домашние осыпали их расспросами, но они на все вопросы отвечали: после, после, и стали переодеваться к обедне. По окончании службы оба они отправились в дом родителей невесты Александра, и разговаривались, стали рассказывать свои приключения: Фёдор — хозяину и гостям, а Александр — своей невесте.

— Удивительно, — сказал хозяин. — Если бы не вы,

я принял бы это за сказку. Кажется, как коренной житель, где я ни шатался по окрестностям, а подобной церкви не только не видал, но и ни от кого о ней не слыхивал. Вот ты, матушка, не слыхала ли чего на своем веку об этой церкви, — продолжал хозяин, обращаясь к восьмидесятилетней старушке, своей родственнице.

— Слыхала, батюшка, слыхала, — отвечала старушка. Покойный отец мой говаривал, что где-то вблизи была в старое время церковь во имя Воскресения Христова. Церковь эта сгорела во время пожара, который выжег и всю деревню. Крестьяне расселились по другим местам, и церковь больше не возобновляли.

— Но ведь они видели не сгоревшую церковь, а только ветхую, — сказал хозяин.

— Так, батюшка, так. Но у Господа Бога нет ни старого, ни нового, ни целого, ни сгоревшего. Притом же покойный мой батюшка говаривал, что не раз бывали явления на тех местах, где стоял храм Божий. Мудрено ли, что Господь внял раскаянию двух душ христианских и сотворил чудо.

— Другим ничем нельзя объяснить этого случая, — сказал хозяин. — А вот по весне, Бог даст, отправимся на розыски. Верно, господа охотники не забудут к тому времени дороги.

Этим прекратился разговор о чудном храме.

Что ж сказать вам ещё. Весною в один хороший день все участники этого рассказа в сопровождении братьев отправились на розыски. В числе прочих лиц тут была и Лизанька, теперь уже жена Александра. Но сколько ни исходили лесу, они не нашли ни малейшего признака существования церкви. Даже та тропинка, по которой братья вышли на дорогу, и которая им была очень памятна, исчезла совершенно.

Паломничество в Сорочий Лог!

Паломнической поездкой в Иоанно-Предтеченский скит, что в селе Сорочий Лог, отметили завершение учебного года воспитанники воскресной школы Александро-Невского храма.

Дети, родители, педагоги, ребята из молодежного объединения «Невские» — одной большой по-настоящему дружной семьей — на предоставленном благодетелями автобусе выехали с территории церкви сразу после Литургии 6 июня.

По прибытии на место паломники отслужили молебен, потрапезничали под открытым небом, искупались в источнике и посетили храм, пообщались с матушками — насельницами скита. Благодатное место, жаркая, по-настоящему летняя погода и родные по духу люди рядом — вот что дарит счастье!

Традиционная программа посещения обители пора-

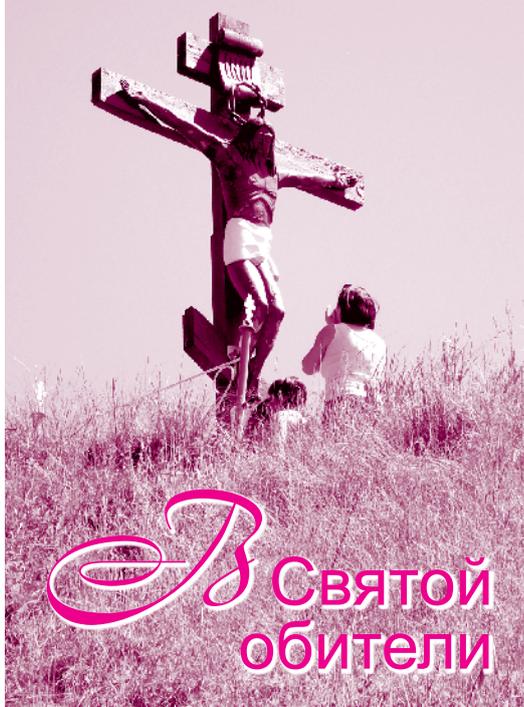

довала всех, кто каждый год ждет этих поездок, восхитила тех, кто побывал в Сорочьем Логу впервые, и тем, и другим подарила новые силы. До встречи в новом учебном году в воскресной школе!

Спаси Господь всех, чьими усилиями эта замечательная поездка состоялась!

Е. Пушкарева, фото Е. Семаковой
фоторепортаж на стр. 16

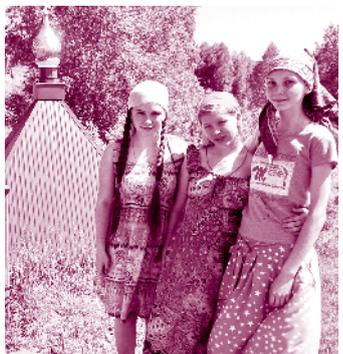
ФОТОРЕПОРТАЖ

В Святой обители

фото Е. Гладких, Е. Семаковой

Духовно-просветительская газета
Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.
Учредитель: Александро-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.
Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина.
Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81. Без ограничения по возрасту.
E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1000 экз. Сдано в печать 03.07.15. Выход по графику 26.06.15
Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс», г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.